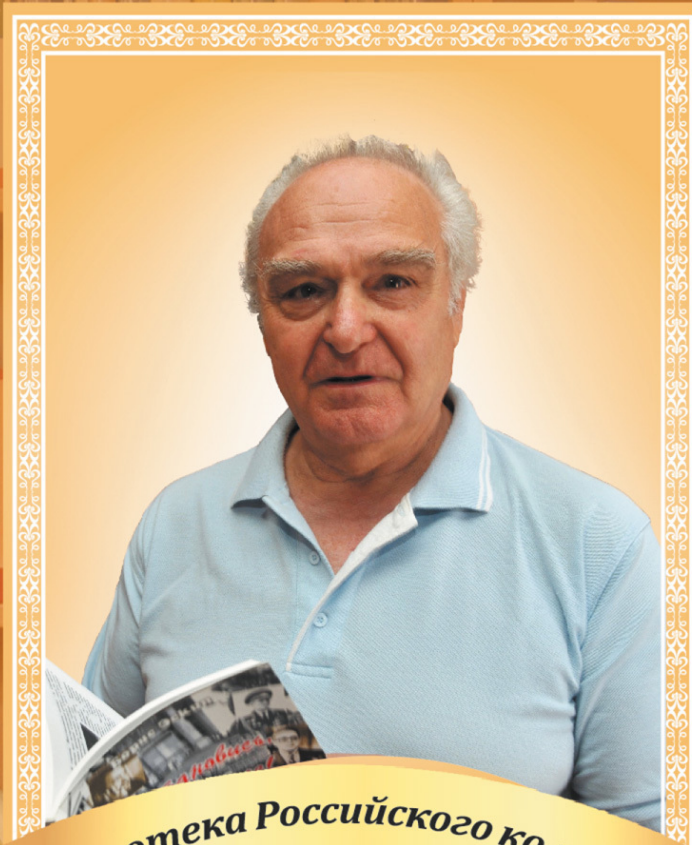

Борис
ЭСКИН

*Душа не успокоится
вовек...*

Библиотека Российского колокола

Издательство Интернационального Союза писателей

Библиотека журнала «Российский колокол»

Борис Эскин

Душа не успокоится во век

«Интернациональный Союз Писателей»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Эскин Б. М.

Душа не успокоится во век / Б. М. Эскин —
«Интернациональный Союз Писателей», 2019 — (Библиотека
журнала «Российский колокол»)

ISBN 978-5-00153-028-2

Избранные стихи, написанные в разные годы и опубликованные в книгах,
вышедших в России и в Израиле.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-00153-028-2

© Эскин Б. М., 2019
© Интернациональный Союз
Писателей, 2019

Содержание

Эскин Борис	5
По лучику судьбы...	6
«Еще одна блаженная попытка...»	6
«А тьма была до звезд и даже выше...»	7
«Мои стихи на русском языке...»	8
«Я не ищущу слова – они меня находят...»	9
Дано прожить отныне жизнь другую...	10
«Благодарю за вечную печаль...»	10
«Рассвет. Аэропорт Бен-Гуриона...»	11
«Жар тишины и ледящий зной...»	12
«Пока не празднует душа...»	13
«Из пекла Негева...»	14
Первая свеча	15
Радуга над Стеной Плача	16
Баллада о последнем зелоте[9]	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Борис Эскин

Душа не успокоится во век...

Эскин Борис

Творческая биография

Родился 5 октября 1937 года в городе Днепропетровске (ныне Днепр, Украина). С началом Отечественной войны семья эвакуировалась на Урал. Отец, капитан гвардии Михаил Моисеевич Эскин, воевал на Кавказе, под Сталинградом, трижды был ранен, закончил боевой путь в Берлине.

Борис Эскин окончил днепропетровскую среднюю школу № 33, а затем Индустриальный техникум.

По окончании театральной студии (под руководством выдающегося педагога и теоретика сценического искусства В. И. Ковалевского) был приглашен на работу в Днепропетровский русский драматический театр им. М. Горького.

С 1960 года – актер театра Черноморского флота.

После ухода из театра Борис Эскин работал литературным консультантом в газете Черноморского флота «Флаг Родины», руководит эстрадным коллективом Севастопольского Матросского клуба, возглавляет Молодежный театр.

С 1965 по 1974-й годы – сотрудник газеты рыбаков и моряков юга страны «Труженик моря».

Окончив в 1969 году вечернее отделение Приборостроительного института (факультет судовых силовых установок), плавает на промысловых и транспортных судах котельным машинистом, мотористом, механиком. Тогда же увидели свет первые книги: сборники стихов «Рабочий океан» и «Травы пахнут морем», книги очерков «По закону моря» и «Плывет в океане завод», три повести для юношества (в соавторстве с М. Лезинским), вышедшие в Москве и в Крыму: «Мальчишка с бастиона», «Сын бомбардира», «Живи, Вилор!»

Десять лет, начиная с 1974 года, работал собкором редакции Всесоюзной программы радио «Для тех, кто в море». Много трудится на телевидении в качестве сценариста и ведущего передач.

Около пяти лет заведовал литературной частью Севастопольского театра им. Луначарского. Потом был назначен помощником мэра города по вопросам культуры.

В 1991 возглавил Севастопольскую телерадиокомпанию.

В 1994 году с женой и матерью репатриировался в Израиль, жил в Димоне, в пустыне Негев. В 1996-м переехал в Нацерет-Илит, на север страны.

В Нацерет-Илите Эскин создает театр «Элит», ставит спектакли на исторические и бытовые темы, редактирует газету «Город, проснись!»

Член Союза писателей Израиля, член Интернационального Союза писателей, лауреат премии Союза писателей Израиля им. Давида Самойлова, лауреат ряда литературных международных премий.

По лучику судьбы...

«Еще одна блаженная попытка...»

Еще одна блаженная попытка
Упрямо удержаться на канате,
Протянутом между распятым прошлым
И не воскресшим будущим моим.
Я снова оступаю на тропе,
Проложенной по лезвию обрыва
От безнадежности одной к другой.
Руками распростертыми пытаюсь
За пустоту пространства ухватиться.
Отчаявшись, теряю равновесье,
И падаю, цепляясь за канат.
Барахтаюсь беспомощно над плахой
Арены, что в тисках амфитеатра
Мгновенно сжалась в черную дыру...

Я зависаю в лютой тишине,
Заряженной испугом и восторгом,
Сочувствием, насмешкой, раздраженьем,
Которые спрессованы до взрыва
Аплодисментов, расценивших это
Падение, как остроумный трюк
Всех обманувшего канатоходца,
Скользнувшего по лучику судьбы...

«А тьма была до звезд и даже выше...»

А тьма была до звезд и даже выше,
И ледяная белая шрапнель
Строчила по асфальту и по крышам,
Безумствовала черная метель.

Она студёным пронеслась пожаром
По землям, не остывшим от жары.
И ветер гнал по трекам тротуаров
Сухих кустов планетные шары.

И было так, как, может, в Миг творенья,
Когда Небытия связалась нить,
Когда Творца постигло вдохновенье,
Чтоб этот мир в мгновенье сочинить.

Свихнулась ночь и становилась злее.
Луны огрызок превратился в слизь
На благостных подмостках Галилеи
Невиданные страсти взорвались.

Дуй ветер, дуй! Свирепствуй в царстве дури,
Не церемонься в королевстве лжи!
Разыгрывай шекспировскую бурю,
Кроши напропалую и блажи!

...Срывало с фарисеев покрывала,
Сметало кучи прелые грехов.
А сердце спотыкалось и дрожало
И млело в предвкушении стихов...

«Мои стихи на русском языке...»

Мои стихи на русском языке.
И снятся сны по-прежнему на русском.
На русском память – свет на маяке —
Сигналит о веселом и о грустном.

И даже если в череде открытий
Язык пророков мне познать дано,
Сумею радоваться на иврите —
Страдать на русском буду все равно.

«Я не ищущу слова – они меня находят...»

Я не ищущу слова – они меня находят,
Изводят и зовут, заполняют сны.
Строка моя – курок недремлющий на взводе,
Обоймы метких рифм по гроб припасены.

Сражаюсь сам с собой. Все демоны печали
Кружатся над душой, в могильный рог трубя.
Не сдамся до конца, не разобью скрижали,
Последний грамм свинца оставлю для себя.

Дано прожить отныне жизнь другую...

«Благодарю за вечную печаль...»

*За все – рассудку вопреки —
благодарю тебя, Россия»*

Цви Маген

Благодарю за вечную печаль,
Благодарю за позднее похмелье,
За белую ромашковую даль,
За черные твои поверья;
За стон луны и за немой прибой;
За то, что было безысходно тошно
И безрассудно радостно порой,
И безобразно страшно;

и за то, что

Заглядывать не пристрастила в святцы,
И что от лжепророков отвратила,
За то, что вынуждала притворяться,
За то, что сытости не обучила...

Благодарю тебя за твой язык:
Торжественный и терпкий, и медвяный,
Благодарю за крест мой вечный – стих,
За Пушкина благодарю, за Левитана.
За то, что греб, как будто в полусне, —
Полувластитель, полураб галеры...

За русской женщины любовь, что мне
Дарована судьбою вместо веры.
За иудеев деда и отца,
Не усложнявших истины простые;
За то, что я в России родился,
За то, что не умру в России.

За ревностных друзей и за врагов,
Которым я прозрением обязан.
За сбереженья прожитых годов,
Которые и пепел, и алмазы.
За все подачки и за униженья,
За то, что Молох постигал вблизи
И за признание, и за гоненья,
И за изгнание —
Благодарю, Россия!

«Рассвет. Аэропорт Бен-Гуриона...»

Рассвет. Аэропорт Бен-Гуриона.
Еще ты полувольный-полупленный.
Отныне по неведомым законам
Кружить твоей планете во Вселенной.

В разлив зари, застенчивой и нежной,
Несется, околдованный дорогой,
Автобус, переполненный надеждой,
Автобус, распираемый тревогой.

Забвение – Всевышнего награда.
За окнами – библейская пустыня,
Где кактусов колючие каскады
Меж валунов угрюмых к ночи стынют,

Где вдалеке холмы на марше строгом,
И тонут пальмы в розовой купели...
Вот и земля, обещанная Богом!
Земля обетованная... но мне ли?

«Жар тишины и ледящий зной...»

Жар тишины и ледящий зной.
Тупое солнце, как гнилая дыня.
Я – невидимка. Нет меня со мной.
В душе – пустыня.

Небритые холмы из обожженной глины.
На желтой сцене – смерча фуэтэ.
А, может быть, податься в бедуины —
Алеко на верблюде и в фате!
Свихнуться в этой сауне пустыни,
Не знать былых привычек и одежд...
Горбатый горизонт – сплетённая корзина.
Могильники страданий и надежд...

Ну, вот и все.
О лысый Вертер, влип ты!
Дымятся лавы сумрачных баранов,
Кучкуются тоскливо эвкалипты
У сиротливой ленты автобана.
Пустыня-грёза – безысходный Негев!
Песчинка я в песках. Сдаюсь без боя.
Тону в дырявом Ноевом Ковчеге.
Цена покоя.
Зачем? Чего искал? —
Бессмыслица отныне.
Земли обетованной благодать!

В пустыню занесло.
И занесла пустыня.
Не откопать.

«Пока не празднует душа...»

Пока не празднует душа
Заветных праздников еврейства,
Все кажется лишь лицедейством,
Не стоящим и полгроша.

В душе пропахана межа.
В окно к счастливому семейству
Подглядываю чуть дыша,
Завидуя их иудейству,

Их детской радости бездонной,
Их незаслеженному чувству,
Их Богом данному искусству!..

А я по-прежнему бездомный,
Чужой на празднествах святых
Бессмертных пращуров моих.

«Из пекла Негева...»

Ларисе и Эдуарду Фроловым

Из пекла Негева¹ – в снега Хермона²!
Придумщик сумасшедший Израэль³.
Еще с утра – хамсинная Димона⁴,
Из пыльных бурь – в колючую метель.

Внизу, в ущелье – малахит кудрявый
Вовеки нестареющих лесов.
Стада песков и снежных баб оравы.
Страна пустынь и заливных лугов.

Гора Хермон в заоблачной запарке
На ипостасях лета и весны.
Я на краю затерянной на карте,
Как мир огромной, маленькой страны!

¹ Негев – пустыня на юге Израиля.

² Хермон – гора на севере страны.

³ Израэль – так звучит название государства на иврите.

⁴ Димона – город в пустыне Негев, где часто бывают сухие жаркие ветры – хамсины.

Первая свеча

Я зажигаю первую свечу.
Еще лишь первую, но не простую —
Свечу бесстрашия, свечу святую.
На крыльях боли в прошлое лечу.

И с высоты, где родился ТАНАХ⁵,
В моей души пространстве заэкранном,
Как будто дно сквозь толщу океана,
Виднеется палеозойский страх.

Извечный страх изгоев-йегудим⁶,
Постылый страх быть пойманным с поличным,
Постыдный страх не оказаться лишним,
Не оказаться первым, а вторым.

Себя победой обрекал на крах,
Не вписан в измерении трехмерном, —
Ведь даже нашей храбростью чрезмерной
Незримо правил неизбывный страх...

Я зажигаю первую свечу,
Переходя в иное измеренье,
Страшась (опять, опять!), что, к сожалению,
Окажется оно не по плечу.

Мне в Хануку⁷ дарует шанс судьба —
В сердечном лабиринте иудея
Высвечивать Йегуду Маккавея,
По свечке выжигать в себе раба.

⁵ ТАНАХ – священное иудейское Писание.

⁶ Йегудим – евреи (иврит).

⁷ Ханука, Маккавей – праздник в честь освобождения Иерусалима от римских оккупантов во 2 веке до н. э. войском Йегуды Маккавея.

Радуга над Стеной Плача

Настойчиво сквозь старенькое сито
Процеживает небо облака,
Надеясь, что однажды будут смыты
С камней печальных горечи века.
Тысячелетнего терпенья глыбы,
Страданий тысячеголосый лад...
А над Стеною в вышине горят
Семь звуков радуги и семь улыбок!

Повисла звонкая дуга над нами,
Прорезав облаков молочный дым,
Повисла над бумажными кипами,
Над черным опереньем харедим.⁸
Повисла радуга – причуда света,
Прочнейший мост от неба до земли!
По этому мосту от стен Завета
К великим истинам святые шли.
Я прижимаюсь мокрою щекой
К изваянным и счастьем, и тоской
Тем глыбам, что тепло сынов Давида
Еще хранят. И плачу от стыда,
И от беспомощности, и обиды,
Что не был иудеем никогда,
И от того, что был всегда евреем,
Что Родине был вечно не родным.
Я плачу по тому, что не согреет:
По юности надеждам неземным,
По приднепровским плавням и лиманам,
По колдовству причерноморских роц —
Я плачу по годам самообмана,
Я плачу... или это просто дождь?

Стена скалою нависает грозной,
И струйки грустно шепчутся со мной.
Я плачу, что пришел к ней слишком поздно...

А радуга не меркнет над Стеной!

⁸ Харедим – ортодоксальные верующие.

Баллада о последнем зелоте⁹

1

Какое тревожное слово – зелоты!
Какое кинжальное, звонкое слово!
Земные страдания, земные заботы,
К зелотам, к зелотам всхожу я назло вам!

Наверно, Всевышнему так было надо:
Нежданно-негаданно странная сила
Змеиной тропой к руинам Мецады¹⁰
К зелотам, к зелотам меня заманила!

К ознобному звуку: «Царь Ирод, царь Ирод!...»
Великий строитель и рая, и ада,
Ты выстроил, прячась от целого мира,
Дворец в поднебесье и крепость Мецаду.

И думать не думал, в надменных покаях
Землей иудейской всевластно владея,
Что башни скалы неприступной укроют
Зелотов – мятежных сынов Иудеи.

2

Безумствуют римские легионеры
В развалинах Иерусалимского Храма.
Идет на подмостках обители Веры
Последнее действие дьявольской драмы.

Но в час роковой перед вечным изгнанием
Последней надеждой, последним оплотом
Мецада, Мецада взошла на закланье
С последнею горсткою гордых зелотов...

Не месяцы – годы продлится осада.
Но Рока проклятие неумолимо.
И только победа, и только Мецада
Нужны императору грозного Рима.

⁹ Зелоты – непримиримые борцы с римским владычеством.

¹⁰ Мецада (Масада) – крепость, построенная царем Иродом на труднодоступной скале в районе Мертвого моря.

Там войны все – от младенца до старца.
Там тысяча Богу единому верных.
И только молитвой осталось сражаться
С армадой язычников жестокосердных.

3

Последняя ночь оставляет Мецаду.
Последнее утро вползает по склонам.
Последнюю строят слова баррикаду:

*– Собратья!
Неужто увидеть дано нам,
как стая шакалов, от крови хмельная,
у нас на глазах наших эсен распинает!
Что выберем:
жизнь и пожизненно рабство,
иль вечной свободы
посмертное братство?!*
*Зелоты!
Давайте окажем друг другу
сегодня последнюю в жизни услугу:
и в час Авдалы¹¹ на исходе субботы
в могилы с собой унесем мы свободу.
Оставим врагам, захватившим Мецаду,
запасы воды и обильные склады.
Пусть видят,
ворвавшись в пустующий город:
на смерть нас подвигли не жажда и голод!*

4

И вот уже брошен безжалостный жребий.
Он десять святых палачей назначает.
Свершает молитву последнюю ребе.
И – каждого смерть, как награда, венчает.

Их десять осталось. Безумных евреев
В одеждах, пропитанных кровью и потом.
Последней приходит черед лотереи.
И жребий последнего выбрал зелота.

¹¹ Авдала – особая молитва для отделения праздничной субботы от наступающих будней.

Знакомое что-то в упругой фигуре,
В пытливых бровях и глазах его карих,
В еще без седины шальной шевелюре...
Мне страшно. Похож на меня этот парень!

Мне страшно. Гоню от себя наваждение.
Нелепо!
Немыслимо!
И непонятно,
И жутко представить, что был до рожденья,
Что жил ты когда-то,
И неоднократно...

5

Свершилось. На площади – тысяча трупов.
Он в мире один. Бесконечно последний.
Последние руки.
Последние губы.
Последнее небо и день этот летний.

...Прощальный закат будет так целомудрен,
И в странной тиши застрекочут цикады,
И солнце прольется на буйные кудри
Последнего воина мертвой Мецады.

Взметнутся на башнях дымы ошалело.
Враги в опустевшую крепость ворвутся.
Избравшие гибель пожизненным делом
Избравшим свободу они ужаснутся.

И склады с едой, и в дворцовых подвалах
Сокрытые Иродом камни и золото,
Прохлада бассейнов в таинственных скалах
Награда заждавшимся римским солдатам.

Но им, торопливо трофеи гребущим,
Живой ни одной не дожидаться награды!..

Я знаю, что в жизни своей предыдущей
Я был
 тем последним
 зелотом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.